

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 2-84

М.Я. Яхьяев, Е.Г. Камышова

Власть и религия в современной России: метаморфозы взаимодействия¹

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

Статья посвящена анализу государственно-конфессиональных отношений, стихийно сложившихся в современной России. Отсутствие продуманной и последовательной политики власти в отношении религии уже привело к частичной клерикализации общественной жизни, что провоцирует власть на нарушения действующего законодательства, регламентирующего деятельность религиозных организаций, а заодно и способствует проникновению церкви в разные сферы жизни общества. В статье авторы обосновывают необходимость разработки и практической реализации в России новой научно обоснованной модели государственной конфессиональной политики.

Ключевые слова: *государство, власть, религия, конфессия, политика, клерикализация, толерантность, модель.*

The article is devoted to the analysis of the state and confessional relations, spontaneously emerged in the nowadays Russia. It is established in the article that the lack of mature and consistent policy of power in respect of religion has led to the partial clericalization of public life. It is also the reason provoking the power to breach the current legislation, governing the activity of the religious organizations, and at the same time contributing the penetration of the church in different spheres of the life of the society. The authors substantiate the necessity to work out and to implement practically a new science-based model of state and confessional policy in Russia.

Keywords: *state, power, religion, confession, policy, clericalization, tolerance, model.*

Государственно-конфессиональные отношения, утверждающиеся в новой России, характеризуются двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, реально закрепляются ценности западной демократии, формируются важнейшие институты гражданского общества, внедряются либеральные идеи автономизации личности. Очевидно, что подобные тенденции развития социально-политического бытия россиян объективно вызваны процессами глобализации и вестернизации общественной жизни. С другой стороны, в обществе происходит резкое усиление активности религиозных институтов, наблюдается рост религиозности сознания, все очевиднее становится вытеснение светских ценностей, а то и их полное замещение у некоторых групп верующих религиозными представлениями и убеждениями, нормами поведения.

---

¹ Работа выполнена в рамках «Программы стратегического развития ДГУ». Проект 18-С.

В регионах России с преимущественно мусульманским населением эти две тенденции развития порождают весьма замысловатые формы конфессиональной политики местных властей. Здесь вестернизация образа жизни, общественной и личной нравственности причудливым образом сочетается с арабизацией быта, духовности, строгим следованием личности канонам мусульманской религии, не только отторгающей светские устои государства, но и нивелирующей этническое своеобразие традиционных форм культуры народов, исповадовавших ислам. Зачастую в мусульманских регионах наблюдаются рационально непостижимые метаморфозы взаимодействия светского и религиозного, предпринимаются попытки соединить несоединимое, т. е., с одной стороны, вестернизироваться и глобализироваться по американскому сценарию, а с другой – утвердить некое подобие средневекового исламского общества, а то и вообще протащить в жизнь идею всемирного исламского халифата. Как результат – конфессиональная политика региональных властей оказывается и вовсе алогичной, если вообще можно говорить о какой-либо продуманной и последовательной конфессиональной политике.

Специфические особенности стихийно сформировавшейся к настоящему времени конфессиональной политики российского государства обусловлены рядом объективных причин, среди которых – распад СССР и смена социально-политического строя, а также вызванные этими процессами сущностные трансформации идеологических ориентиров государства, всей системы духовно-нравственных ценностей общества и личности. Разрушение устоявшейся социалистической модели взаимоотношений государства и религии детерминировало как модификации содержания государственно-конфессиональной политики России, так и видоизменения механизмов, способов, форм ее реализации. Отправной точкой формирования новой конфессиональной политики стало празднование 1000-летия принятия христианства на Руси.

К концу 80-х годов в России стал очевиден отход от партийной линии советского государства в отношении религии. Повсеместно была прекращена атеистическая, антирелигиозная пропаганда, религиозным организациям и движениям была предоставлена полная свобода действий. Так, к примеру, повсюду площади и спортивные арены, кинотеатры и клубы, не говоря уже о культовых сооружениях, были отданы «на службу» различным конфессиональным сообществам, миссионерам и благотворительным религиозным фондам. Первые лица государства, как в центре, так и на местах, не имея достаточных знаний о религиозной культуре и опыта взаимодействия с религиозными организациями, руководствуясь принципом плюрализма (правда, понятым как вседозволенность), консультировались с лидерами различных конфессий, содействовали в решении проблем религиозных организаций, религиозного воспитания и просвещения населения.

Бессистемность и непродуманность действий властей проявились и в том, что наряду с традиционными для народов России религиозными конфессиями полную свободу деятельности получили и некоторые новые религиозные движения и разнообразные благотворительные фонды, иные из которых к этому времени были и вовсе запрещены в Европе и в США как деструктивные религиозные секты. Все это привело к тому, что религиозность, неважно, традиционная или нетрадиционная, конструктивная или деструктивная, оказалась переведенной в разряд респектабельных социальных отпавлений, и религия стала приобретать новую для себя и для общества публичную нишу. Возрастала активность религиозных организаций, движений и фондов, им были возвращены здания церквей, монастырей, соборов, мечетей и другое имущество, началось повсеместное строительство новых культовых сооружений (см. подробнее [11]).

События августа 1991 г. наглядно продемонстрировали, что российское государство в своей политике не только более не придерживается конституционного принципа отделения церкви от государства, но и позволяет церкви сплошь и рядом активно вмешиваться в социально-политические процессы в обществе. Подтверждением этого может быть то, что в своем Послании Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II поставил вопрос о законности ГКЧП [7, с. 442]. Тогда же первый Президент России Б.Н. Ельцин во время инаугурации получил от него благословение на высший государственный пост. У Патриарха появился прямой провод с Президентом, а у митрополита Кирилла – с Правительством. Наряду с Президентом Патриарх (разумеется, на своем уровне) стал соруководителем государства, о чем красноречиво говорит график его официальных встреч [6]. С санкции Президента в гимн России были включены слова «хранимая Богом родная страна».

Множество подобных фактов подтверждает то, что в политической системе российского общества религиозная власть стала проявляться как самостоятельная ветвь власти, озабоченная поисками идейно-нравственных оснований развития общества, проблемами религиозной свободы личности, ее воспитания и образования и пр. В целом опыт 90-х гг. показал, что в России в отношениях государства с религиозными структурами стихийно сформировалась причудливая модель государственно-конфессиональной политики, характеризующаяся полным отсутствием демаркационной линии между деятельностью власти и церкви. Свои более-менее легитимные очертания эта модель получила к 1997 г., ко времени принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Таким образом, тенденция деидеологизации Российского государства, настойчиво заявлявшего о себе как о демократическом государстве, проявилась в существенном изменении взаимодействия власти и религии. Свобода слова, свобода вероисповедания, новый юридиче-

ский статус религиозных организаций представлялись мировой общественности как показатель готовности российского государства к международному сотрудничеству, в том числе и в конфессиональной сфере. В целом государственно-конфессиональная политика этого периода оформилась как политика консолидации государственных и религиозных интересов. Государство и церковь постепенно становились партнерами и в политике, и в экономике, и в культуре, и в сфере образования.

Последующая трансформация государственно-конфессиональной политики утвердила церковь в качестве социального института, существенным образом влияющего и на политические процессы в российском обществе. В этом плане симптоматичны инициативы XIII Всемирного русского народного собора о защите общества от алкогольной зависимости, об ответственном поведении СМИ, о возрождении социальных ценностей и пр. [10]. Можно вспомнить и о заявлении Президента РФ Д.А. Медведева на приеме, организованном по случаю избрания Патриарха Кирилла главой РПЦ: «В обновленной России отношения государства и церкви строятся на основе... признания государством огромного вклада церкви в становление российской государственности, в развитие национальной культуры и в утверждение духовно-нравственных ценностей в обществе» [4]. В этом же ряду стоит и встреча в августе 2009 г. Д.А. Медведева с муфтиями Северного Кавказа, которая имела целью обозначение контуров участия мусульманских организаций в утверждении политико-правового порядка в регионе и закрепление позиций ислама в образовательном пространстве [9].

Таким образом, сформировавшаяся к современности модель государственно-конфессиональных отношений базируется на принципе сотрудничества российского государства и религиозных организаций в разных сферах жизнедеятельности общества. Декларируемой целью реализации этой модели является укрепление политической стабильности государства, развитие институтов гражданского общества, духовно-нравственное оздоровление россиян и т.п. Единственным официально не оговариваемым условием либерализации конфессиональной политики государства стало требование всемерного осуждения религиозными деятелями и организациями экстремизма, терроризма, сепаратизма, нелегитимного насилия и всех прочих деструктивных действий, подрывающих безопасность и расшатывающих территориальную целостность России.

Стихийная реализация такой либеральной модели государственно-конфессиональных отношений, раздвигающая пределы вмешательства церкви в общественную и личную жизнь, спровоцировала то, что религиозные организации и их лидеры стали претендовать на политическую власть, собственность, предпринимательство, к заявлениям о религиозной монополии на идейные основы российской государствен-

ности, общественную и личную нравственность. По сути, эти процессы уже привели к частичной клерикализации российского общества, но власть почему-то не замечает в клерикализации жизни какой-либо угрозы для себя. Объяснением этому может быть то, что первоначальный подъем активности различных религиозных движений, партий, организаций, фондов происходил в недрах общества и не затрагивал монополию власти на политическую и экономическую жизнь, но власть по инерции и сегодня продолжает надеяться, что в лице церкви она приобретает послушного партнера. Сегодня уже невозможно понять, где кончается государственная жизнь, а где начинается жизнь конфессиональная.

Постоянное расширение конфессионального пространства, происходящее на фоне отсутствия последовательной и ясной конфессиональной политики государства, на практике породило ряд проблем, которые невозможно не замечать. Тем более что «религиозный ренессанс» де-факто способствовал росту среди народов России не столько национального самосознания и патриотизма, сколько сепаратизма и агрессивного национализма, которые первоначально прикрывались идеями национального возрождения и апеллировали к религии как к источнику традиционных национальных ценностей. Только реальная угроза конституционным основам государства отрезвила политическую элиту России и сподвигла законодателей на введение некоторых правовых ограничений религиозной политической, экономической, образовательной деятельности. Особую озабоченность власть стала проявлять по поводу экстремистской и террористической деятельности разросшихся религиозных движений, организаций, сообществ.

Опасность отсутствия последовательной и продуманной конфессиональной политики стала особенно очевидной после известных событий на юге России в 1999 году, когда под исламскими знаменами противники единой и целостной России предприняли попытку отторжения Дагестана и утверждения здесь шариатского государства. До этого по примеру федерального центра республиканская власть стояла в стороне от конфессиональных процессов и не препятствовала проникновению религии в политику, экономику, право, образование, другие сферы жизнедеятельности общества. Но и после такого отрезвляющего душа местная власть продолжала проводить однобокую конфессиональную политику, состоящую в полной поддержке традиционного ислама, представляемого Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) и аффилированными с ним религиозными организациями. Другая крайность государственной политики по отношению к исламским организациям и движениям в республике заключалась в законодательном запрете любой ваххабитской деятельности,

по сути, отождествленной с экстремистской деятельностью вообще². Исключительно силовое подавление нетрадиционных направлений ислама привело к нарушениям властью конституционного положения, требующего равноудаленного отношения государства к любым религиозным организациям и движениям, если их деятельность осуществляется в правовых рамках Российского государства.

В создавшихся условиях поддерживаемое республиканской властью ДУМД, в свою очередь, с энтузиазмом стало взаимодействовать с органами власти и силовыми структурами и использовать свою приближенность к ним как для интенсивного проникновения в различные структуры общества, так и для физического устранения препятствий для своего развития в виде салафизма и ваххабизма. В результате общественно-политическая ситуация в республике стала еще более напряженной, а загнанное в подполье салафитско-ваххабитское движение все чаще стало прибегать к террористическим методам противодействия как своим идейным противникам, так и поддерживающим их властным структурам. Да и сегодня в республике, несмотря на все громкие заявления о диалоге и робких попытках примирения идейных оппонентов, мы все еще имеем тенденцию активизации террористической деятельности экстремистского подполья, связываемого с нетрадиционными для региона направлениями ислама.

Более последовательная и продуманная политика власти по отношению к салафитскому движению, как и вообще к религии, могла бы утвердить единые правила функционирования религиозных организаций, в том числе и нетрадиционных, строго в правовом поле государства. Силовыми методами можно было бы подавлять тех, кто с оружием в руках пытается изменить основы общественного строя, не желая жить по законам существующего государства. В любом случае власть в своей конфессиональной политике должна оставаться в стороне от теологического дискурса по проблеме истинности или ложности религии, приверженности «чистому» или же «нечистому» исламу.

Научные критерии истинности и рациональности знаний в сфере религиозной догматики и культа не действуют. Все верующие, к каким бы течениям они не принадлежали, считают и будут считать истинными исключительно собственные религиозные предпочтения и ценности, а заодно относить к нечестивцам приверженцев всех иных конфессий. Поэтому нас удивляет и позиция некоторых ученых, называющих себя исламоведами и пишущих о том, что «представители традиционной религии исторически выработали культуру толерантности, взаимодействия и сотрудничества, а представители новых, нетрадиционных религиозных организаций и движений характеризуются

---

² Об этом красноречиво говорит одно только название закона, принятого Народным Собранием Республики Дагестан в 1999 году: «Закон о запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

нетерпимостью, экстремизмом, проявлениями терроризма» [2, с. 392]. Подобные горе-исламоведы прежде всего оказывают медвежью услугу самой исламской религии, призывая власть всемерно поддерживать традиционное духовенство, представляющее истинную религию, и законодательно ограничивать деятельность адептов конфессий, квалифицируемых ими как «неистинные», «нечистые» и т. д. Если власть и дальше будет прислушиваться к подобным рекомендациям, она может наломать еще много дров в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Власть не может и не должна оставаться в стороне от деятельности религиозных организаций и сообществ, если их деятельность носить чуждое, враждебное или разжигает национальную или межконфессиональную вражду и ненависть, подрывает основы государственности, деструктивно влияет на личность. Государство не может быть вероисповедально безразличным и не проводить никаких различий между конфессиями и их организациями. Такая либеральная толерантность, будучи абстрактной свободой произвольного выбора любой религиозной веры, окажется фактической свободой от положительной веры в гуманистическую идеологию. Власть, не желая насилия по отношению к себе, не может воздерживаться от правового ограничения деятельности носителей жестокой и деструктивной религиозной веры. Иначе при таком отношении власти к конфессиям полную свободу деятельности получают в числе прочих и наравне с традиционными религиозными идеологиями любые, даже самые деструктивные, религиозно-идеологические системы и исповедующие их общины.

Абстрактно-либеральная толерантность, указывающая лишь на свободу выбора и не дающая позитивных ориентиров выбора, ведет к торжеству антигуманной религиозной идеологии и практики. Это и есть полное идеологическое и организационное разоружение перед деструктивной религиозной идеологией. Утверждение подобной толерантности может привести к полному разрушению российского государства перед экстремистскими религиозными идеологиями, ибо оно будет вынуждено предоставить одинаковые права на все, что нужно для существования и свободного развития, всем и каждому.

Равное отношение власти к религиозным конфессиям должно быть конкретным, и для власти должна быть особо важной мера толерантности. А такой мерой может быть только гуманизм, требующий в интересах общества и личности непримиримо относиться к антигуманной религиозной идеологии и законодательно ограничивать деятельность ее проводников. Абстрактный либерализм власти приводит как минимум к безвольному смирению перед злом, а в худшем случае – к предательству собственных интересов. В политической жизни границей толерантного отношения к религии может быть преданность собственному политическому и социальному идеалу и объединению, к

которому сознательно причисляет себя субъект политической деятельности.

Властно-конфессиональную толерантность следует рассматривать как разграничение допустимого (приемлемого, терпимого) и недопустимого (нетерпимого, неприемлемого) в отношениях власти с представителями той или иной религии или направлений внутри определенной конфессии. Отметим, что такая толерантность может заключаться не в одинаковом отношении ко всем конфессиям и к правам всех верующих без учета их отношения к власти, а в том, чтобы относиться к ним в меру гуманно и дружелюбно или враждебно в зависимости от их отношения к государственной власти и ее конституционным ценностям. В этой связи представить в России равные права приверженцам конструктивного традиционного ислама и некоторым нетрадиционным деструктивным исламистским движениям было бы актом величайшей несправедливости по отношению к верующим. Это значило бы, к примеру, отнять у традиционно верующих мусульман их достояние и отдать тем, кто его не только не собирал, но и возьмет только для того, чтобы разрушить или эксплуатировать в своих особых целях.

Потому государственно-конфессиональные отношения должны строиться не на основе абстрактно-либеральной толерантности, которая не различает добро и зло и все принимает совершенно безразлично, а на основе адекватного понимания гуманистической или человеконенавистнической направленности религиозного течения. Следовательно, власть должна быть нетерпима к деструктивным религиозным идеологиям и культам, но должна допускать свободу творческой мысли и нравственного действия верующей личности. Иначе говоря, власть должна жестко ограничивать проявления антигуманизма, насилия и деструкции в любой религиозной идеологии и практике, будь они традиционными или же нетрадиционными, называй они себя истинными, чистыми, праведными или нет. В противном случае государство может само себя разрушить, смирившись перед своими идеологическими противниками.

Сегодня в российском обществе отсутствует ясное понимание границы в отношениях между государством и религией, и это продолжает перманентно провоцировать как вмешательство государства в религиозные дела, так и вторжение религиозных структур в социально-политическую, экономическую и иные сферы жизнедеятельности общества. Российская власть по примеру Таджикистана, где законом установлено «правильное» вероучение, все еще пытается указывать верующим, по каким правилам должна жить религиозная община. В Дагестане, несмотря на все разговоры о межконфессиональном диалоге между традиционалистами и салафитами и равной отстраненности власти от религиозных структур, властный ресурс продолжает работать исключительно в пользу одной из сторон конфессионального

диалога. Да и официальные духовные лидеры, традиционно вписанные в бюрократизированную власть и опасющиеся утери своего влияния на общину, всячески используют административное влияние для решения внутриконфессиональных вопросов и поощряют вмешательство государства в жизнь мусульманской уммы. В этой ситуации продолжается радикализация сознания той части верующей молодежи, которая видит, что государство поддерживает их идейных оппонентов.

По причине отсутствия четкой конфессиональной политики государства религия стремится выстроить иерархическую структуру административного управления жизнью, охватывающую, по сути, все сферы жизнедеятельности общества и личности. В частности, политическая направленность деятельности религиозных структур проявляется, прежде всего, в том, что они добиваются признания их в качестве интегрирующей основы общества. И даже в тех случаях, когда религиозные деятели, на словах дистанцируясь от власти, подвергают критике институты государства, их деятельность приобретает политический характер. Сегодня очевидно, что российское государство не возражает против частичной клерикализации политики, что оно все более склоняется к тому, что религия перестает быть частным делом. Более того, иногда власть проявляет заинтересованность в том, чтобы получить высшую (религиозную) легитимацию своих действий, которую ей предлагают две основных религии России – православие и ислам. Но приоритет, конечно же, отдается православию, и церковь уже в полной мере, по признанию Патриарха Московского и Всея Руси, «сотрудничает» с государством [5].

Клерикализация государства начинается с участия религиозных деятелей в принятии государственных решений. Это происходит в парламенте страны, а также в представительных и законодательных органах в регионах, городах, сельских поселениях. В период советской власти религиозные деятели были полностью отстранены от участия в выработке официальной политики. Но их растущее стремление вмешиваться во власть и политику привело к тому, что они стали изыскивать различные завуалированные способы участия в социально-политических процессах. Как результат этого – представители различных конфессий уже входят в многочисленные комитеты, советы, центры и организации, которые занимаются теми или иными проблемами, имеющими как общественное, так и государственное значение. Причем это участие стало уже традицией.

Отсутствие выверенной, научно обоснованной модели государственно-конфессиональной политики привело к тому, что государству со стороны религиозных институтов предлагаются различные программы социального развития и политического обустройства российского общества. Ярким примером того является социальная концепция, принятая на Архиерейском соборе в 2000 году. Краеугольный

камень этой концепции – признание необходимости диалога и сотрудничества государства и религии. В качестве областей сотрудничества церкви и государства эта концепция предлагает:

а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами;

б) забота о сохранении нравственности в обществе;

в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание;

г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ;

д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры;

е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для церкви и общества, в т. ч. в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений;

ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание;

з) профилактика правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы;

и) наука, включая гуманитарные исследования;

к) здравоохранение;

л) культура и творческая деятельность;

м) работа церковных и светских средств массовой информации;

н) деятельность по сохранению окружающей среды;

о) экономическая деятельность на пользу церкви, государства и общества;

п) поддержка института семьи, материнства и детства;

р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества.

Эта же социальная концепция определяет области, в которых священнослужители и канонические церковные структуры не могут оказывать помощь государству, сотрудничать с ним, а именно:

а) политическая борьба, предвыборная агитация, кампании в поддержку тех или иных политических партий, общественных и политических лидеров;

б) ведение гражданской войны или агрессивной внешней войны;

в) непосредственное участие в разведывательной и любой иной деятельности, требующей в соответствии с государственным законом сохранения тайны даже на исповеди и при докладе церковному Священноначалию [1, с. 7–13].

Это церковное видение желаемых отношений с государством оказывается заложенным в основу той модели государственно-конфессиональной политики, которая повсеместно де-факто реализуется. И уже игнорируя конституционный принцип светскости государства, многие высокопоставленные чиновники демонстрируют свою приверженность к религии. Как ни странно, тон в этом деле задает главный гарант соблюдения Конституции – Президент РФ. Так, В.В. Путин на всю страну провозглашал: «Мне хорошо известны слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, что «нынешнее возрождение России было бы невозможным без помощи Божией». Как православный христианин я принимаю их и поддерживаю всей душой»[3, с. 56]. Реализуя такую позицию, Президент и Премьер-министр РФ выступают в роли неперенных почетных гостей и участников практически всех крупных церковных мероприятий и в свою очередь приглашают Патриарха РПЦ на наиболее значимые государственные мероприятия. Вслед за ними и равняясь на них, аналогично поступают и государственные чиновники всех уровней так называемой «вертикали власти».

Подобные громогласные заявления и публичное поведение чиновников противоречат ст. 4.4 Закона «О свободе совести...», согласно которой: «Должностные лица органов государственной власти, других государственных органов и органов местного самоуправления, а также военнослужащие не вправе использовать свое служебное положение для формирования того или иного отношения к религии». Религиозные обряды и церемонии стали, чуть ли не обязательной частью многих акций государственной власти, в частности сдачи в эксплуатацию государственных объектов (зданий, кораблей и т.п.).

Систематически и повсеместно нарушается государственными служащими и ст. 6.3 Закона «О свободе совести...», гласящая: «Создание религиозных объединений в органах государственной власти, других государственных органах, государственных учреждениях и органах местного самоуправления, воинских частях, государственных и муниципальных организациях запрещается». Вопреки этой статье, имеются действующие храмы с соответствующими церковными структурами во многих воинских частях (в том числе в Генеральном штабе Российской армии), государственных учреждениях (например, в Законодательном собрании Санкт-Петербурга), государственных вузах (в частности, в МГУ, СПбГУ, РГПУ им. Герцена, СПб Горном институте и многих др.).

В нарушение ст. 4. п. 2, устанавливающей «в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство: ...обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях», в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вводится преподавание на религиозной основе. Закон «О сво-

боде совести...» гарантирует каждой личности право верить или не верить, право жить в соответствии с теми убеждениями, которые у нее имеются. Ст. 5. п. 4 данного закона устанавливает, что «администрация указанных учреждений... предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы». В игнорирование данного требования закона чиновники от образования вводят Закон Божий в школьные образовательные программы.

Все это не что иное, как прямое нарушение государственным чиновниками по всей вертикали власти одного из ключевых требований Конституции РФ: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Конституционное установление светского характера российского государства с необходимостью требует введения в правовые рамки взаимоотношений власти и религии, реализации такой модели государственно-конфессиональных отношений, которая будет пресекать любую деятельность, подрывающую конституционные основы государства, кто бы ни был ее субъектом, чиновник или конфессиональный лидер.

Сегодня же мы видим, что, нарушая существующие нормы права, власть активно сотрудничает с религией, церковь опирается на материальную помощь государства в делах укрепления своего влияния на жизнь граждан. Все это явно свидетельствует об использовании членами государственного аппарата своего служебного положения для формирования у россиян религиозности (с акцентом в основном на православие). Разумеется, что чиновник любого уровня как гражданин вправе исповедовать любую религию, но как представитель государства он должен воздерживаться от публичной демонстрации своей религиозности путем высказываний или участия в религиозных мероприятиях с последующим широким освещением в СМИ.

Несмотря на все нарушения конституционного принципа светскости и многообразные отступления от Закона «О свободе совести...», Россия все еще остается светским государством и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Ее сотрудничество с церковью пока еще ограничено рядом областей. Церковь не занимается назначением чиновников, не цензурирует законы, не формирует распределение бюджета, не контролирует государственные награды и наказания, не формирует внутреннюю и внешнюю политику государства. Она еще не берет на себя функции, принадлежащие государству, предполагающие принуждение, а государство не вмешивается в религиозные дела, за исключением тех сторон, которые предполагают ее деятельность в качестве юридического лица, неизбежно вступающего в соответствующие отношения с государством. Но и эти аспекты взаимоотношений государства и религии, являющиеся выражением сути принципа светскости государства, все чаще подвергаются сомне-

нию на разных уровнях власти. И если власть будет попустительствовать нарушениям конституционного принципа светскости государства и требований федеральных законов, в России в ближайшие годы может произойти уже полная клерикализация общества. Предотвратить же подобный исход можно, лишь сформировав новый алгоритм взаимоотношений власти и религии, практической реализации новой модели антиклерикальной государственно-конфессиональной политики.

В целях нейтрализации предпосылок к клерикализации общества и выстраивания новой модели государственно-конфессиональных отношений необходимо совершенствовать конституционно-правовую форму регулирования данной сферы. И в первую очередь для этого необходимо принять закон о взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями, в котором нужно четко закрепить цели, задачи, принципы, формы и предмет сотрудничества власти и религии. Необходимо также законодательно установить рамки и гарантии деятельности религиозных объединений, недвусмысленно обозначить правовое пространство, в пределах которого функционирует религия, а государство сотрудничает с ней.

Иначе говоря, России нужна новая модель государственно-конфессиональных отношений, ориентированная на четкое закрепление в федеративном и региональном законодательстве конституционных принципов, регламентирующих взаимоотношения между государством и религиозными институтами. Такая модель должна установить правовые пределы сближения власти и религии. Только это может остановить чрезмерное усиление влияния религии на социально-политические и экономические процессы, с одной стороны, и вмешательство государства в религиозные дела, с другой.

Говоря о необходимости антиклерикальной государственно-конфессиональной политики, мы не призываем вытеснить религию из всех сфер жизни общества, отстранить религиозные объединения и сообщества от участия в решении общественно значимых задач, лишить их права давать оценку действиям властей. Мы говорим лишь о четком разделении сфер компетенции светской и религиозной властей, о невмешательстве их во внутренние дела друг друга, как того требует конституционный принцип светскости государства. Религиозная власть должна находиться вне политики, но она так или иначе будет соприкасаться с политикой. Потому и необходим поиск оптимальной формы (в том числе и политического присутствия) религии в светском обществе. Мы солидарны с Львом Аннинским, который писал, что «государство должно оберегать не Церковь, оно должно оберегать законность, в пределах которой Церковь может утешать людей, в поте лица своего выдерживающих давление свинцовой государственной длани» (цит. по [8]). Иначе говоря, церковь призвана не управлять светской властью, не курить ей фимиам, не соглашаться с ней во всем

и просить разные привилегии. Она должна громко осуждать нравственные ошибки власти, благословлять на добрые дела, обнаруживать и исцелять духовные язвы народа. Именно этого от нее ждут здравомыслящие люди – быть совестью российского народа. В противном случае общество захлестнет новая волна отчуждения, произойдет потеря авторитета духовенства, рост светского и даже религиозного антиклерикализма.

Литература

1. Баранов П.П., Верещагин В.Ю. Русская православная государственность: миф или реальность? // *Философия права*. – 2007. – № 4. – С. 7–13.
2. Джабраилов Ю.Д. Роль ислама в консолидации дагестанского общества // *Полиэтническое общество, власть и демократия в России*. – М.–Махачкала, 2012. – С. 392.
3. Журнал Московской Патриархии. – 2004. – № 6. – С. 56.
4. Кузьмин В. Соборная площадь. Вчера в Кремле чествовали нового Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла // *Российская газета*. – 2009. – 3 февраля.
5. Малашенко А.В. Еще один план обустройства России // *НГ – Религии*. – 2001. – 17 января.
6. Официальный сайт РПЦ [Электронный ресурс] // URL: www.mospart.ru
7. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 442.
8. Утяшев Д. Церковь или стая. Какое место занимает религия в современном обществе? // *НГ – религии*. – 2004. – 15 декабря
9. Фаризова Ф. Религия станет оружием борьбы с экстремизмом // *Известия*. – 2009. – 31 августа.
10. Яковлева Е. Веселие есть не пити на Руси // *Российская газета*. – 2009. – 26 мая.
11. Яхьяев М.Я., Русидзе А.Р. Религиозно-политическая ситуация и экстремизм на Северном Кавказе // *Религиоведение*. – 2010. – № 2.

Поступила в редакцию 16 января 2013 г.